

Освещение проблем мусульманского духовенства на страницах газеты «Нур»

В данной статье рассматривается роль редактора газеты «Нур» Гатауллы Баязитова в сохранении религиозных ценностей в условиях революционных перемен в России в начале XX в. Проанализированы основные противоречия духовенства и интеллигенции по преобразованию общества, указана позиция татарского ученого в отношении использования потенциала духовенства в построении гражданского общества в России.

This article examines the part of an editor of the newspaper "Nur" Gataulla Bayazitov in preserving religious values in terms of revolutionary changes in Russia in the early XX century, analyzes the basic contradictions of the clergy and intellectuals on the transformation of society, contains Tatar scientist's position on the use of the clergy's capacity in building civil society in Russia.

Ключевые слова: газета, духовенство, религиозная община, интеллигенция, преобразования, оплата труда, гражданские вопросы, традиционные ценности.

Key words: newspaper, the clergy, the religious community, intellectuals, transformations, wages, civil affairs, traditional values.

В последние десятилетия возросла роль и значение религии, в том числе ислама, в общественной, духовной жизни Российского государства. Роль религии велика и в формировании приоритетов дальнейшего развития российской гражданской нации, которая пережила ряд кардинальных перемен в области политического и национально-государственного устройства, социально-экономической и общественной жизни. В этой связи для страны в целом и российских мусульман в частности большое значение приобретает сохранение мусульманской духовной традиции, культурных ценностей и социальных институтов, опирающихся на многовековой опыт развития в историко-культурном пространстве России [16, с. 3]. В сохранении этих традиций, выстраивании оптимальных взаимоотношений между мусульманами, обществом и государством, особая роль отводится мусульманскому духовенству. Имеющиеся в современном процессе трансформации религиозной системы проблемы во многом сходны с вызовами и проблемами, стоявшими перед татарским обществом столетие назад. Обращение к истории мусульманского духовенства, изучение его функций, структуры, профессиональной

деятельности, роли его в общественной жизни является актуальным с научной точки зрения. Эти вопросы столетие назад нашли отражение и на страницах первой татарской газеты «Нур», издававшейся в столице Российского государства – Санкт-Петербурге.

Среди татарской периодики начала XX в. газета «Нур» стала наиболее стабильным изданием. Газета издавалась в течение девяти лет без перерывов с периодичностью в среднем шесть выходов в месяц. Такая стабильность во многом была обусловлена статусом и действиями ее учредителя, издателя и редактора – Г. Баязитова, который также являлся имамом и ахундом Второй махалли мусульман Санкт-Петербурга и служил в Азиатском департаменте МИДа. Издание первой татарской газеты происходило за счет личных средств самого редактора, в отличие от многих других татарских средств массовой информации, деятельность которых стимулировали учредители – буржуазия: купечество или промышленники, например меценатами газеты «Вақыт» (Время) были золотопромышленники Рамиевы [13, с. 266], журнал «Дин вэ Мэгийшэт» (Религия и жизнь) издавался на средства купцов – издателем был сын известного татарского мецената Гани Хусаинова – Мухамедвали Хусаинов [11, с. 43]. За два года издания Баязитов потратил 8 тыс. р.¹ собственных денег – огромное состояние для того времени [18, с. 6].

В советской историографии подчеркивалось, что газета «Нур» была провокационным печатным органом царской охранки, оплачивалась ею и была организована с целью опоры на татарские и другие национальные силы с феодальным мышлением [9, с. 20; 12, с. 156]. Авторы этих публикаций признавали Баязитова как издателя первой газеты на татарском языке, как человека, осуществившего вековое чаяние народа. Однако последующую его деятельность в качестве редактора они рассматривали как реакционную и консервативную, направленную на защиту интересов монархии. Как известно, коммунистический режим вел борьбу со всем, что было связано с религией, считалось, что ислам препятствовал развитию прогрессивной татарской культуры. Поэтому газета, проповедовавшая необходимость сохранения религиозных ценностей в условиях революционной стихии, воспринималась ими как защищающая интересы монархии и правящей бюрократии.

¹ Для сравнения: квалифицированный рабочий в 1905–1907 гг. зарабатывал от 50 р. в месяц, жалованье коллежского регистратора – 43 р., подпоручик армии – 70, штабс-капитан армии – 90, депутат I Государственной думы (1906) – 350, преподаватель Закона божьего в Шуйской женской гимназии – 102 р.

В целом первые советские исследователи старались со всех сил умалить общественное значение газеты и его издателя, ссылаясь на малое количество подписчиков, отсутствие внутреннего свежа, скучное и однобокое изложение материалов и т. п. Тем не менее, ахунду¹ Баязитову удалось привлечь для работы в издательстве молодых, талантливых публицистов, которые позже стали известными литературоведами и писателями. В первые годы издания с редактором активно сотрудничали такие известные писатели и публицисты, как Мухаммад-Фатих Карими (1870–1937), Гаяз Исхаки (1878–1954), Ахмад-Хади Максуди (1868–1941), Риза Фахретдин (1859–1936), которые в последующем также стали редакторами различных печатных изданий. В целом газета никогда не испытывала недостатка в перспективных и известных авторах, а очень часто именно они определяют лицо и значимость издания. На страницах газеты выступали члены Государственной думы Гайса Еникеев (1864–1931), Садри Максуди (1878–1957), Шарафутдин Махмудов (р. 1853), Мухаммед-Кутлуг Тевкелев (р. 1850), выдающиеся религиозные деятели Абусауд Ахтямов, ахунд ал-Масгуди, кадий Гыйниятулла Капкаев (1856–1930), казанский имам, впоследствии кадий и редактор журнала «Ислам маджалласы» (Исламский журнал) Кашшаф Тарджемани (1877–1943), Мухаммад Сабир ал-Хасани, Насретдин ал-Худжаши, Хайрулла Госмани. «Светскую сторону» издания обеспечивали Кабир Бакир (1885–1944), впоследствии драматург и театральный критик, поэт Сагит Сунчелей (1889–1937), Зыя Насрый, Мустафа Сабитов, Мухаммад Хамиди.

Газета быстро нашла свою нишу – она завоевала популярность среди сельского мусульманского духовенства. Газета печатала статьи на актуальные вопросы дня, реагируя на те или другие изменения, касавшиеся общественной и религиозной жизни мусульман. Поэтому эта газета остается важным источником в изучении традиционного быта и повседневной культуры татар, различных аспектов жизнедеятельности местных религиозных общин и российской уммы в целом.

Печать открывает новую страницу в развитии народа. Многие вопросы, обсуждавшиеся ранее с оглядкой, меж собой в кулуарах, с появлением татарской периодической печати получали публичный характер и широкий резонанс. Это естественное право на печать, дающее шанс народу встать с колен и получить развитие наряду с

¹ Ахунд (перс. ахунд) – в Иране и дореволюционной России мусульманский «епископ», аналог арабского кади. До 1788 г. ахунды являлись главами духовенства даруг (областей) и городских общин и именно через них царские власти взаимодействовали с имамами. В гражданской жизни ахунд был старшим муллой, объединяющим несколько приходов с мечетями.

другими нациями, очень ценил издатель первой татарской газеты. Ведь возникновению прессы на татарском языке предшествовала почти вековая борьба за её создание. Постоянный отказ властей татарам в издании газет и журналов, начиная с 1808 г., привёл к тому, что татары последними из письменных народов России получили это право. В 1900 г. в стране выходило 1002 периодических издания на 75 языках народов России. Последним среди них явилась татарская газета «Нур». В № 13 газеты Баязитов писал, что «на протяжении долгого времени наш народ желал иметь печатное издание на родном языке, с тем, чтобы иметь равные возможности и права наряду с другими народами» [2]. Здесь особо следует выделить сложившуюся ситуацию беспомощности верующих, в тех случаях, когда в печати появлялись материалы с жестким отношением к исламу, клеветнические измышления на священные для мусульман темы, а они не имели возможности адекватно ответить на них. «Не имея возможности ответить этим публикациям, мусульмане вынуждены были, стиснув зубы терпеть эти оскорбления, и могли лишь словесно сотрясать воздух. А если хотели подготовить какое-либо логическое опровержение этих миссионерских атак на религию, то боялись не то что довести дело до публикации, но даже показывать написанное», – писал Баязитов в статье «Свобода» [2].

Средства массовой информации стали инструментом отражения бурных социально-политических изменений в обществе, развития культуры российских народов, в том числе татарской. Статьи газеты «Нур» освещали вопросы политики, экономики, просвещения, воспитания. Одной из главных была тема религиозного обустройства общества. С первого номера в газете отводилось немалое место освещению проектов реформ в конфессиональной сфере, толчком к которым стал Указ 12 декабря 1904 г., провозгласивший либерализацию религиозного законодательства. По этому указу необходимо было пересмотреть весь комплекс законодательных актов, касавшихся устройства духовного быта мусульманских подданных России. Это определило и основные темы общественного обсуждения. Мусульмане хотели рассмотреть такие вопросы, как введение выборности при замещении должностей как низшего, так и высшего духовенства, возможность денежного обеспечения духовенства и поступления за счет государственных средств, уравнивание в правах мусульманского духовенства с православным, вопросы рекрутирования духовенства, учреждение мусульманских духовных администраций в регионах, где они отсутствовали и др.

В результате широкого отклика мусульманской общественности на реализацию вышеупомянутого указа на Особое вневедомственное совещание под председательством А.П. Игнатьева была возло-

жена детальная проработка этих вопросов. По поручению совещания В.П. Череванский подготовил записку «По делам веры мусульман-суннитов», «ставшей квинтэссенцией требований мусульман и отношения к ним правящей элиты» [14, с. 267]. Благодаря печати эти вопросы приобрели публично-массовый характер. Немалый вклад в обсуждение этих вопросов внесла и газета «Нур». Баязитов публиковал проект Череванского, доклады С.Ю. Витте и другие документы и статьи по этой теме, тем самым обеспечив информацией тысячи своих единомышленников.

Проблемой, которая была ключевой для интеллектуалов в начале XX в., стало выявление причин застоя в обществе и определение путей выхода из него. Она стала центральной и в татарской религиозной мысли начала XX в., поскольку и причины застоя, и пути его преодоления мыслители связывали непосредственно с исламом. В этом процессе наблюдается формирование двух лагерей: духовенства и интеллигенции. Каждая сторона боролась за влияние на народные массы: первая – за сохранение былого влияния, вторая прикладывала огромные усилия уменьшить это влияние всеми доступными способами. Первый лагерь был многочисленным, но разрозненным, второй, наоборот, был малочисленным, но сплоченным и активно использовал современные средства воздействия на сознание масс, такие как печать, литература, театр. Против участия духовенства в процессе преобразований в обществе выступали не богословы, а представители мусульманской интеллигенции. Их учения, включавшие идеи и представления, идущие с Запада, не находили отклика среди традиционно мыслящих широких слоев населения. Поэтому не только проповедники из среды духовенства, но и часть молодой, преимущественно разночинной интеллигенции, с самого начала искавшей поддержки у масс, понимая необходимость перемен, стремилась представить эти перемены в традиционных образах «возрождения ислама». Этому во многом способствовал тот факт, что именно разночинная, малоимущая интеллигенция получала образование не на Западе, а у себя в стране в традиционных мусульманских учебных заведениях. Лозунги возрождения стали в новых условиях эффективным средством политической мобилизации масс, прежде всего благодаря тому, что в их сознании эпоха раннего ислама ассоциировалась с эгалитаризмом и справедливостью. Если Баязитов призывал развиваться на основе тысячелетнего исламского опыта, используя достижения европейской цивилизации, при этом нисколько не подвергая ревизии сложившуюся систему религиозного обустройства общества и используя только тот европейский опыт, который прошел испытание временем, то молодые преобразователи общества, используя об-

рывочные европейские понятия, набросились прежде всего на существующую религиозную систему в лице духовенства, считая его главным препятствием на пути преодоления застоя.

Одним из методов активизации духовенства интеллигенция, видимо, считала введение принципа избираемости мулл на фиксированный срок. Как писал Баязитов, «В последнее время распространяется молва о необходимости введения избираемости улемов на определенный срок, который предлагают ограничить тремя или четырьмя годами» [3]. Духовенство в ту пору не избиралось на какой-либо срок, оно получало от правительства указ, который мог быть отозван. Баязитов в своей статье «Духовенство татар» показывал неблагоприятные последствия этого явления. «В таких условиях всякий мулла, избранный на 3–4 года, пытаясь увеличить срок своей службы, будет стараться достичь расположения прихожан к себе и, прежде всего влиятельных элементов прихода. Если же он выступит против состоятельного члена или же какого-нибудь прислужника, то уже готова партия против него. И его место займет более угодливый человек. Все это не способствует выполнению основных функций улема, своего рода гаранта справедливости – просветительской, воспитательной, выражающихся в одобрении благих дел и запрещении плохих. Такая система, – писал он – приведет к манипулированию деятельностью служителя со стороны прихода, к охлаждению отношения народа к мулле» [4].

Разумеется, желание интеллигенции реформировать систему духовного влияния на народ исходило из их побуждений повысить самосознание населения. По их замыслам, создание конкуренции среди духовенства способствовало бы к их личной переоценке и повышению эффективности их деятельности. Но, по мнению Баязитова, они забывали об уровне развития народа, еще вчера имевшего рабское положение. Чтобы начать эти реформы, по словам Баязитова, следовало хорошо знать уровень мышления людей, их обычаи и привычки, а также их способность и готовность принять новое учение, искоренить такие разлагающие народ (и любые преобразования) негативные качества, как клевета, коварство, фальшь, повышать уровень культурного развития населения [8]. Противоборство между просветителями и молодыми радикалами, вчерашними студентами, выступавшими с позиций классовой борьбы, пока что проявлялось в виде эмоциональных речей и нападок на духовенство. Уровень противостояния этих двух лагерей отражает ответ Исмаила Гаспринского Фатиху Амирхану: «Вы еще молоды и неопытны, и потому очень многословны. Однако такие горячие молодые люди, как вы, помогут нации поднять ее культуру, тогда и мы сможем говорить о классовых противоречиях. У нации без культуры

не может быть и промышленности. Так как ее нет, нельзя говорить и о классовых противоречиях. Наша сегодняшняя задача состоит в том, чтобы готовить пути для роста культуры.... Об остальном уж позаботятся те, кто придет после нас» [1, с. 332–333].

В социальном развитии татарское общество находилось на более низкой ступени развития, чем другие народы России. Отношение молодых сторонников радикальных изменений к левым, социалистическим идеям скорее было следствием нерационального воодушевления всем новым и модным и желанием быстро догнать прогрессивный мир. Баязитов также выступал за прогресс и развитие мусульман. Он придерживался мнения, что «прогресс не обязательно связан с подражанием или сближением с Европой», а может быть возможен через «перенос западного знания и западной техники без отказа от традиционных ценностей» [15, с. 117]. Поэтому, Баязитов неустанно говорил в каждой своей статье, что народ нуждается в просвещении и повышении уровня культуры. Он призвал отложить на 7–10 лет раздирающие общество спорные вопросы, даже такие, как полемика о хиджабе, о всеохватной милости Аллаха, не говоря уже о проблемах, связанных со статусом духовенства или кадимитско-джадидидским соперничеством. Действительно, события последующих десятилетий показали незрелость мышления сторонников радикальных преобразований в обществе. Более того, многие с ужасом осознали преждевременность революционных преобразований в российском обществе. Например, даже лидеры такого радикально-социалистического движения, как «Урал» не стали впоследствии сторонниками советского режима [17, с. 119].

Еще одним показателем противоборства сторонников радикальных преобразований и духовенства стала полемика о денежном обеспечении имамов, развернувшаяся на страницах татарских газет. «Нур» в лице Г. Баязитова и других авторов активно дискутировал с газетами «Вакыт», «Йолдыз» по этому вопросу. Заведенная правительством административная практика управления мусульманским населением продолжала включать в себя систему доходов. Однако правительство не пошло настолько далеко, чтобы платить мусульманскому духовенству из казны, не говоря уже о том, чтобы содержать махалли [10, с. 112].

Вслед за начавшейся в среде российской общественности, главным образом в Государственной думе, полемике о целесообразности денежного обеспечения православного духовенства, похожие споры разгорелись и на страницах татарской печати. В татарском обществе не утихали дебаты за и против. По этому вопросу правые партии выступали с одобрением, тогда как левые были категорически против введения оплаты труда духовенства.

Представители городской интеллигенции, далекие от проблем махалли со своими идеализированными воззрениями, не всегда были согласны с тем, чтобы муллам выплачивалось жалование от государства из-за «боязни», что «бюрократизированные муллы таким образом обособятся от народа» [10, с. 112]. Неизвестный автор под инициалами Г.Ф. в № 54 газеты «Вақыт» в статье «О состоянии дел имамов» рассуждал, что если платить зарплату имамам, то в силу их консервативного мышления, они станут еще более правыми, значит им нельзя выплачивать жалованья, с тем чтобы они, оставаясь бедными, не отрывались от народа и как следствие пополнили лагерь левых [5]. Новое поколение разночинной интеллигенции, очевидно, такими рассуждениями хотело подвести татарское общество под модель общероссийского, с последующим делением на классы, с тем, чтобы на этой основе увеличить противоречия в обществе и создать мятежную обстановку. Проблему о денежном обеспечении имамов, обсуждаемую в этом свете, вполне можно квалифицировать как желание интеллигенции, постепенно отходящей от нравственных ценностей ислама, усилить психическое возбуждение населению с последующим переходом на смуту.

В ответе на эту статью Баязитов доказывал спекулятивность мышления этого автора. Он писал, что обязанности муллы не заключаются в защите интересов какой-либо партии, поскольку мулла служит для соблюдения религиозных принципов. «Если имам будет следовать программе какой-либо партии, то он не сможет выполнить основную свою функцию – обеспечение справедливости в приходе. Самая главная задача духовенства, сейчас, не примыкая ни к каким партиям обеспечивать развитие образования в духе исламской религии, сохранение нации от использования другими силами. Денежное обеспечение духовенства не превращает их в госслужащих. Не важно, кто обеспечивает государство ли, или приход. Главное что должно понять общественность, это то, что муллы не должны испытывать крайнюю нужду» [6]. «Насколько лучше улемы обеспечены в жизнеустройстве, настолько лучше они заботятся о своей пастве» [5]. Баязитов приводил опыт других народов: «В Финляндии жизненные условия чухонских, латышских пасторов, годовое обеспечение которых составляет 4–5 тыс. рублей или у русских, у которых дела не столь хороши, но все же лучше, чем у нас, насколько не мешает выполнять им свои функции» [6].

В многочисленных своих статьях Баязитов также решительно выступал против наметившейся в первом десятилетии XX в. тенденции к секуляризации общественной жизни татар путем сокращения должностных обязанностей духовенства. Российское законодательство предоставляло право мусульманскому духовен-

ству не только на выполнение ритуалов, но также на то, чтобы рассматривать гражданские вопросы, такие как бракосочетание, развод, раздел имущества и наследование согласно исламским законам, ведение метрических книг и т. д. С введением метрической книги в юрисдикцию Духовного собрания в 1828 г. муллы были включены в работу одной ветви гражданской администрации. Каждый год из ОМДС они получали две метрические книги: одну возвращали, а вторая оставалась в мечети. Военное ведомство и земства также пользовались сведениями из этих книг [10, с. 104]. Помимо этого, муллам вменялось в обязанность выдавать свидетельства о рождении. Духовенство также сотрудничало с земствами в деятельности по предотвращению эпидемий, в проведении вакцинации. В таких случаях духовенству приходилось вести большую разъяснительную работу для преодоления сопротивления населения, отрицательно реагирующего на любые акции, исходящие от власти, усматривая в них инструмент православного миссионерства. Как видим, духовенство принимало активное участие в сохранении не только духовного, но и физического здоровья населения. Так, например, в письме газете «Нур» анонимный подписчик из духовенства из Белебейского уезда сообщал, что он обошел 40 деревень, проведя вакцинацию против туберкулеза [6].

Однако со стороны интеллигенции все более настойчиво высказывались предложения по сужению административного потенциала духовенства. А.М. Топчибашев в проекте реформы предлагал передать такие гражданские дела, как бракосочетание, вопросы развода и имянаречение становому приставу, тем самым, по словам Баязитова, «отдаляя духовного деятеля от народа, лишая его орудий воздействия на приход» [5].

Расширяющееся взаимодействие между духовенством и органами власти побуждало правительство требовать от духовенства знания русского языка, что влекло за собой установление образовательного ценза для мулл [10, с. 104]. Совершенно естественно, что муллы, обучавшиеся во многих сторонах света, владевшие несколькими языками, в том числе и русским, имели более широкий кругозор, более широкое представление о мироустройстве, чем рядовые жители. Духовенство, таким образом, являлось значительной прослойкой мусульманско-татарского общества, которая обладает интеллектуальным и административным потенциалом для сохранения и развития нации в свете неизбежных общественных изменений начала XX в. Численность их в Оренбургском духовном управлении, по сведениям Баязитова, составляло пять тысяч [4]. В среднем на 200 взрослых мужчин приходился один священнослужитель. Духовенство имело мощнейший авторитет у жителей махалли. Взгляды

и мнение мулл, во многом определяли состояние, духовное здоровье и настроения каждого члена сообщества. В глазах Баязитова духовенство являлось единственной здоровой силой, имевшей прямое влияние на каждого индивида мусульманского сообщества. Поэтому он не только защищал интересы духовенства, выполняющего многие социальные запросы общества, но и активно выступал за политизацию религии, стремился его использовать не только в области общественной морали, но и в сфере государственного строительства, государственного права, регулирования хозяйственной жизни.

Список литературы

1. Амирхан Ф. Олуг миллэтчетурысындакечкенэ бер хатирэ (Маленькое воспоминание о великом слугителе нации // Аң. – 1914. – № 8 (на тат. яз.).
2. Баязитов Г. Вэсэгатьһәмхоррият (Свобода) // Нур. – 1906. – 2 нояб.
3. Баязитов Г. Голэмэ-и татар (Духовенство татар) // Нур. – 1906. – 11 февр.
4. Баязитов Г. Голэмэ-и татар. (Духовенство татар) // Нур. – 1906. – 4 февр.
5. Баязитов Г. Имамнар мэсьэлэсенэ муталага (Обращаясь к проблеме имамов) // Нур. – 1909. – 8 дек.
6. Баязитов Г. Имамнар мэсьэлэсенэ караш (Взгляд на вопрос духовенства) // Нур. – 1909 – 2 сент.
7. Баязитов Г. Письма читателей // Нур. – 1909. – 16 дек.
8. Баязитов Г. Эдэбият мэслэге (Литературное направление) // Нур. – 1906. – 21 июня.
9. Ишемгулов Б. Русское самодержавие и мусульманское духовное управление. – М., 1930 (на тат. яз.).
10. Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: материалы науч.-практ. конф., 27–28 сент. 2005 г. – Казань, 2006.
11. Рамиев И. Татарская периодическая печать (1905–1925). – Казань, 1926 (на тат. яз.).
12. Сагди Г. История татарской литературы. – Казань, 1926 (на тат. яз.).
13. Сафин И. освещение проблем мусульманских приходов Оренбургской губернии на страницах газеты «Вақыт» (по материалам 1906 г.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: материалы науч.-практ. конф., 27–28 сент. 2005 г. – Казань, 2006.
14. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань, 2006.
15. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / пер. с нем. И.А. Гилязова. – Казань, 2011.
16. Хабибуллина З. Р. Мусульманское духовенство Башкортостана на рубеже XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2012.
17. Хабутдинов А. Лидеры нации. – Казань, 2003.
18. Якупов В. Богословская династия Баязитовых // Янбаева Я. Потомки Баязитова. – Казань, 2009.